

А.А. Гужаловский*

**ДЕФИЦИТ И ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА
В БЕЛОРУССКОЙ ССР НА ФОНЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
РЕФОРМ СЕРЕДИНЫ 1950-Х – СЕРЕДИНЫ 1960-Х ГОДОВ**doi:10.31518/2618-9100-2022-4-4
УДК 94:338(476)"1953/1964"*Выходные данные для цитирования:**Гужаловский А.А. Дефицит и теневая экономика в Белорусской ССР на фоне экономических реформ середины 1950-х – середины 1960-х годов // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 45–57. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-04.pdf>*

A.A. Guzhalovsky*

**DEFICIT AND SHADOW ECONOMY
IN SOVIET BELARUS ON THE BACKGROUND OF ECONOMIC
REFORMS OF THE MIDDLE 1950S – MIDDLE 1960S**

doi:10.31518/2618-9100-2022-4-4

*How to cite:**Guzhalovsky A.A. Deficit and Shadow Economy in Soviet Belarus on the Background of Economic Reforms of the Middle 1950s – Middle 1960s // Historical Courier, 2022, No. 4 (24), pp. 45–57. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-04.pdf>]*

Abstract. As a result of Khrushchev rejection of authoritarian rule, the desire for enrichment which had previously been repressively suppressed began to gain strength in the Byelorussian SSR. The growth of wages throughout the country, began to outstrip the growth of its productivity, and the shortage of goods and services became one of the main reasons for the decrease in the effectiveness of the material incentive system. In order to reverse this trend, the authorities made significant efforts to limit the population's desire for consumption and income growth rates, increase the role of moral incentives for labor, withdrawal of 'surplus' money from the population, and persecute 'unearned income'. These measures were in conflict with the policy aimed at increasing the welfare of the population. One of the consequence of the growing needs of the population, as well as the emergence of the phenomenon of Soviet consumerism in the era of Khrushchev's 'thaw' became the phenomenon of deficit. Periodicals as well as documents from the National Archives of the Republic of Belarus have made it possible to identify groups of consumer goods, food products, as well as types of services, the shortage of which provoked the sharp criticism of consumers. The author also made an attempt to reconstruct the development of the black market which was a byproduct of the economic experiments of the Khrushchev's era Soviet leadership. Illegal economic activity was not only a tool of personal enrichment of the first captains of the Soviet Belarus underground economy and numerous ordinary salesmen, but also a form of protest against the existing egalitarian wage system.

Keywords: economic reforms, deficit, shadow economy, consumer goods, household service, Byelorussian SSR.

The article has been received by the editor on 25.04.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. После прихода к власти Н.С. Хрущева, отказавшегося от методов авторитарного правления, в Белорусской ССР начало набирать силу стремление к повышению материального благосостояния, ранее репрессивно ограничиваемое властью. Рост оплаты труда в республике, как и во всей стране, стал опережать рост его

* **Александр Александрович Гужаловский**, доктор исторических наук, профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь, e-mail: huzhalouski@gmail.com
Aleksandr Alexandrovich Guzhalovsky, Doctor of History Sciences, Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: huzhalouski@gmail.com

производительности, а дефицит товаров и услуг стал одной из главных причин снижения эффективности системы материального стимулирования. Для того чтобы переломить данную тенденцию, власть прикладывала значительные усилия к ограничению стремления населения к потреблению и темпов роста доходов, повышению роли морального стимулирования труда, борьбе с «излишками» денег у населения, преследованию за «нетрудовые доходы». Эти меры входили в противоречие с политикой, направленной на рост благосостояния населения. Следствием роста потребностей населения, возникновения советского потребительства в эпоху хрущевской «оттепели» стал феномен дефицита. Материалы периодической печати, а также документы Национального архива Республики Беларусь позволили выявить группы товаров народного потребления, продукты питания, а также виды бытового обслуживания населения, дефицит которых вызывал наибольшие нарекания со стороны потребителей. Автором сделана попытка также показать развитие теневого рынка на фоне экономических экспериментов советского руководства. Нелегальная экономическая деятельность являлась не только средством личного обогащения первых «цеховиков» и многочисленных торговых работников, но и формой протеста против существовавшей уравнилельной системы оплаты труда.

Ключевые слова: экономические реформы, дефицит, теневая экономика, товары народного потребления, служба быта, Белорусская ССР.

Статья поступила в редакцию 25.04.2022

1950–1960-е гг. считаются наиболее успешным периодом в развитии советской экономики с точки зрения экономического роста и эффективности производства. Средние темпы экономического роста, составлявшие 6,6 % в 1950-е гг. и 5,3 % в 1960-е гг., были самыми высокими в советской истории. Национальный доход в 1960 г. увеличился по сравнению с 1945 г. в 5,2 раза, капитальные вложения – в 7 раз, производительность труда в промышленности – на 2,6 %, в сельском хозяйстве – в 3,4 раза, продукция промышленности – в 5,7, сельского хозяйства – в 2,64, розничный товарооборот – в 7,3 раза¹. Отличительными чертами экономики СССР оставались высокая ресурсоемкость, милитаризация, большая доля отраслей сырьевого сектора и их первичной переработки. Однако по уровню производства товаров народного потребления СССР отставал не только от Запада, но и занимал последнее место даже среди социалистических стран. Инвестиции в эту сферу были недостаточными. Торговля развивалась по остаточному принципу.

Сразу после смерти Сталина наряду со снижением сельскохозяйственного налога и повышением закупочных цен на сельскохозяйственные продукты председатель Совета Министров СССР Г.М. Маленков попытался изменить пропорции в структуре производства в сторону расширения группы Б. Был взят курс на развитие социально ориентированных отраслей экономики – строительства, сельского хозяйства, легкой промышленности и производства товаров повседневного спроса.

На выступление Г.М. Маленкова на заседании Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г., в котором он говорил о необходимости повышения материального благосостояния советских людей, белорусское руководство откликнулось рядом постановлений. 21 декабря 1953 г. вышло совместное постановление Совета Министров БССР и ЦК КПБ «О мерах дальнейшего развития советской торговли в республике», 25 декабря 1953 г. – постановление бюро ЦК КПБ «Вопросы торговли в сельской местности», 29 декабря 1953 г. – постановление Совета Министров БССР «Об увеличении производства и улучшении качества мебели для продажи населению».

¹ Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 162.

Проверка Госторгинспекцией БССР работы 11 907 торговых предприятий республики за девять месяцев 1953 г. выявила нарушения в 6 963 из них (или в 58,4 %). Большинство выявленных нарушений были связаны с обманом покупателей – завышением цен, обвешиванием, обмером, обсчетом. Кроме того, продавцы прятали дефицитные товары, реализуя их по завышенным ценам или нужным людям. Многим покупателям не выдавали книгу жалоб и предложений. В кооперативной торговле чаще завышали цены, в государственной – чаще обвешивали². Не лучше выглядел ассортимент товаров, особенно в сельских магазинах. Так, в Освейском районе Полоцкой области колхозники не имели возможности купить предметы первой необходимости – ведра, корыта, керосиновые лампы, обувь, пуговицы, махорку³.

Вскоре критика условий жизни советского человека вышла за стены кабинетов начальников. На страницах газет стали появляться материалы, в которых осторожно говорили о низком качестве одежды, мебели, предметов интерьера отечественного производства⁴. О серьезных социальных проблемах, таких как неспособность государства обеспечить молодых матерей сетью яслей и детских садов, говорить публично было по-прежнему запрещено⁵.

В 1955 г. Н.С. Хрущеву удалось свернуть курс Г.М. Маленкова на преимущественное развитие производства товаров народного потребления. По мнению нового советского лидера, повышение уровня жизни людей должны были обеспечить научно-технический прогресс, рост производительности труда, развитие стратегически важных отраслей. Так, ноябрьский (1958 г.) пленум ЦК КПСС, утвердив контрольные цифры развития народного хозяйства на 1959–1965 гг., определил рост валовой продукции промышленности БССР за семь лет в 1,8 раза. Предполагалось, что преобладающими темпами в республике будет развиваться тяжелая промышленность, особенно энергетика, машиностроение, производство строительных материалов, а также новые отрасли – химическая и электротехническая⁶. Одновременно с 1957 по 1961 г. номенклатура выпускаемой на предприятиях СНХ БССР военной техники расширилась более чем в 4 раза, а ее объем увеличился с 70 до 500 млн руб. (в ценах 1960 г.)⁷.

При этом сохранялась официальная риторика о «постоянной заботе об улучшении благосостояния советского народа». Например, в соответствии с постановлением Совета Министров БССР от 12 февраля 1960 г. «О снижении государственных розничных цен на отдельные товары народного потребления» с 1 марта снижались цены на товары, не пользующиеся спросом⁸. В то же время цены на новую продукцию, появившуюся согласно требованиям постановления Верховного Совета БССР от 11 июня 1964 г. «Об увеличении производства, расширении ассортимента и повышении качества товаров народного потребления, выпускаемых предприятиями республики», были неоправданно завышены⁹.

В реальной жизни руководство страны понимало повышение благосостояния народа прежде всего как рост номинальных денежных доходов населения, интенсивное развитие жилищного строительства, увеличение производства и улучшение качества продуктов питания. Роль товаров народного потребления в удовлетворении спроса населения рассматривалась как второстепенная. В Советской Белоруссии эта диспропорция ощущалась острее, чем в других союзных республиках. Так, в декабре 1959 г. первый секретарь ЦК КПБ

² Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1140. Оп. 1. Д. 72. Л. 334.

³ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 53. Д. 41. Л. 3.

⁴ Літаратура і мастацтва. 1953. 29 жн.; 5 вер.

⁵ На 1 января 1955 г. потребность в детских яслях в БССР была удовлетворена на 20 %, в садах – на 32 % (НАРБ. Ф. 4п. Оп. 53. Д. 51. Л. 47 об.).

⁶ Об итогах ноябрьского Пленума ЦК КПСС. Доклад К.Т. Мазурова на собрании актива минской парторганизации 21 ноября 1958 г. // Советская Белоруссия. 1958. 23 нояб.

⁷ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 556. Л. 209.

⁸ Там же. Д. 531. Л. 92–94.

⁹ Постановление Верховного Совета БССР «Об увеличении производства, расширении ассортимента и улучшении качества товаров народного потребления, выпускаемых предприятиями республики» // Знамя юности. 1964. 14 июня.

К.Т. Мазуров сообщил сотруднику Экономической комиссии Совета Национальностей Верховного Совета СССР А.М. Левицкому, что «...душевое потребление основных товаров в республике значительно отстает от среднедушевого потребления по Союзу в целом»¹⁰.

Во второй половине 1950-х гг. в условиях реформы управления промышленностью в форме совнархозов плановая экономика стала давать сбои. На фоне научно-технического прогресса быстро расширялся ассортимент выпускаемой продукции: стало невозможно планировать выпуск каждого изделия в штуках и килограммах. Госплан не мог предсказать состояние потребительского рынка. Ошибки в оценке спроса и предложения увеличились. Кроме того, административное давление на аграрный сектор привело к спаду сельскохозяйственного производства. Проблемы в планировании и перекосы в сельском хозяйстве привели к периодическому исчезновению даже предметов первой необходимости и основных продуктов питания. Наряду с инфляцией новую волну спроса на товары народного потребления вызвала денежная реформа 1961 г.

Либерализация общественно-политической жизни, ослабление цензуры позволили говорить о феномене дефицита публично со страниц республиканской печати. Например, главный товаровед Белкультторга М. Турецкий, критикуя Госплан БССР, так описывал ситуацию на потребительском рынке республики в 1959 г.: «По-прежнему не хватает пианино, телевизоров, школьных тетрадей и портфелей, детских колясок и игрушек, фарфоровой, фаянсовой и алюминиевой посуды, хозяйственных инструментов, скобяных изделий, электроплит, мясорубок. Не удовлетворяется потребность населения в холодильниках, газовых плитах и радиоприемниках. Пластмассовых изделий производится очень мало»¹¹.

В условиях плановой экономики белорусская швейная промышленность не обеспечивала население одеждой ни в необходимом количестве, ни надлежащего качества. На швейных фабриках БССР, где не было штатных должностей модельеров или дизайнеров одежды, шили в недостающих объемах и примитивно. Выпускать сложные серийные изделия на плохом оборудовании при отсутствии современных лекал было просто невозможно. В результате организации торговли браковали до 25 % швейных изделий Витебской фабрики «Флаг индустриализации», Бобруйской фабрики имени Дзержинского и Могилевской фабрики имени Володарского¹².

Купить готовую одежду в минских универмагах, не говоря уже об областных и тем более районных центрах, было непросто: «Даже универмаги в Минске не в состоянии предложить полный комплект костюмов. Можно купить рубашку, но не будет пиджака, можно найти нужный пиджак, но к нему не подобрать галстук, галстук будет, а хорошей рубашки не будет... Круг замыкается»¹³. Журналист так описал обстановку в магазине «Спорттовары» в Минске: «Юноши и девушки идут сюда сплошным потоком. Спрашивают, есть ли футболки, майки, спортивные туфли. Стандартный ответ “нет”, “продано”, “не бывает”»¹⁴.

Между тем в Советской Белоруссии все больше и больше людей, особенно молодежи, говорило об эстетической функции одежды. Один из них, тщетно передвигаясь по столице в поисках детской одежды, задал вопрос: «Почему такое несоответствие между тем, что показывают в Доме моделей, и тем, что продается в магазинах?». И сам же ответил: «Дело в том, что посредник между ними – швейная фабрика»¹⁵. К разгадке причины нехватки качественной одежды приблизилась корреспондент «Советской Белоруссии» Н. Кононова, которая отмечала, что «...нить многих бед и трудностей предприятий ведет непосредственно в Совнархоз республики, к его управлению легкой промышленностью»¹⁶.

¹⁰ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 504. Л. 148.

¹¹ Советская Белоруссия. 1959. 19 нояб.

¹² Там же. 1965. 5 февр.

¹³ Там же. 9 марта.

¹⁴ Там же. 1962. 12 июня.

¹⁵ Знамя юности. 1965. 18 мая.

¹⁶ Советская Белоруссия. 1958. 9 апр.

Во второй половине 1950-х гг. «сталинский» ассортимент советского мебельного производства в виде панцирных кроватей, комодов, сервантов, табуреток и тумбочек артельного производства пополнился наборами для спален и залов «хрущевок». Более-менее качественные мебельные гарнитуры сразу стали дефицитом в БССР, за ними выстроились длинные очереди в Минске, отправлялись в Москву и Прибалтику. Продукция более ста мебельных предприятий Совнархоза БССР и местной промышленности, выпускавшаяся на морально устаревшем оборудовании, из некачественного сырья и с нарушением технологических процессов, не вызывала особого энтузиазма у потребителей. Положение не улучшало и деятельность опытно-конструкторского бюро мебели Министерства лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности БССР, отмеченного золотыми медалями на ВДНХ¹⁷.

По словам современника, в Минске шла настоящая «охота» покупателей за нужной мебелью¹⁸. В 1961 г. один из «охотников», разозленный зря потраченным временем, оставил в книге отзывов главного мебельного магазина республики на проспекте Сталина следующую запись: «Товарищи мебельщики! Вы настолько ослепли, что не видите, что нужно народу?»¹⁹. Еще более скудный ассортимент мебели был в деревне, где часто нельзя было приобрести даже детскую кроватку²⁰.

Система общественного пассажирского транспорта в БССР была приоритетной. Власти старались поддерживать транспортную отрасль в хорошем состоянии, так как от этого прежде всего зависела своевременная доставка граждан на работу. Однако в условиях ускоренной урбанизации, мобильности населения на рубеже 1950–1960-х гг. возникло несоответствие спроса и предложения. Стал очевиден дефицит услуг городского пассажирского транспорта, а также их недостаточное качество.

В середине 1960-х гг. пятикилометровая поездка на автобусе от Минского вокзала до камвольного комбината занимала около двух часов. Половину этого времени приходилось проводить в ожидании на остановке, после чего машины брали штурмом. Аналогичным образом было организовано автобусное движение по маршрутам: Вокзал – Северный поселок, Южный – Молодежный поселки, Западный мост – Грушевский поселок и др. Часто, чтобы начать движение переполненного общественного транспорта, водители зажимали пассажиров автоматическими дверями²¹. В Могилеве автобусы ходили с интервалом в 20–40 минут, а в пересменку – с 14 до 16 часов – работа общественного транспорта полностью прекращалась²².

В 1965 г. сотрудник Совнархоза БССР А. Кузовков сигнализировал первому секретарю ЦК КПБ П.М. Машерову: «Общественный транспорт в Минске плохо обслуживает население. Утром и вечером трудно попасть в трамвай, автобус и троллейбус, не говоря уже о том, что ехать в это время по-человечески невозможно. Если вам посчастливится протиснуться в машину, вам не раз наступят на ноги, оторвут пуговицы и даже обругают»²³. Анонимная форма другого обращения к первому секретарю позволила его автору быть более категоричным: «Перевозка минчан троллейбусами и автобусами не отвечает требованиям современной культуры. В салонах толкотня, после поездки костюм или пальто совершенно скомканные, туфли испачканы, словом, внешний вид советского человека испорчен. Вам, наверное, сложно это представить, ведь в служебных “Волгах” и “Чайках” таких явлений нет»²⁴.

Непросто приходилось белорусским автолюбителям, которых на первой волне массовой автомобилизации становилось все больше. Машин на всех желающих не хватало,

¹⁷ Звезда. 1965. 19 сн.

¹⁸ Советская Белоруссия. 1965. 13 нояб.

¹⁹ Там же. 1961. 23 февр.

²⁰ Там же. 1965. 24 апр.

²¹ Там же. 1958. 17 мая.

²² Там же. 1956. 9 авг.

²³ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 65. Д. 149. Л. 209

²⁴ Там же. Л. 1.

очереди за ними растягивались на годы. Для предотвращения злоупотреблений (вроде продажи своего места спекулянтам) те, кто записался в очередь на машину, избирали комиссию и старосту. Переписывать очередь на члена семьи разрешалось не более одного раза при предъявлении доверенности или паспорта. Когда подходила очередь, гражданин должен был приобрести автомобиль, иначе полностью терял на него права. Не разрешалось владеть двумя автомобилями одновременно.

В этих условиях подержанные «Победы» и «Москвичи» на черном рынке стоили дороже новых. Цены на них колебались от 1,2 до 2 государственных, а наценка на самые престижные «Волги» достигала 2,5 номинала вне зависимости от пробега. Расширение черного рынка автомобилей привело к специальному постановлению Совета Министров СССР от 23 марта 1961 г. «О дополнительных мерах борьбы со спекуляцией автомобилями», согласно которому продажа подержанных автомобилей разрешалась только через комиссионные магазины. Вскоре после появления этого постановления Минский городской автомобильный трест разоблачил преступную группу, продававшую по спекулятивным ценам бывшие в употреблении государственные «Волги» и «Москвичи» в республики Закавказья²⁵.

На 1 января 1963 г. в БССР насчитывалось 11,6 тыс. автомобилей в частной собственности²⁶. Одной из главных проблем их владельцев было отсутствие станций технического обслуживания, поэтому каждому автолюбителю приходилось осваивать специальность автослесаря. Это было непросто – в дефиците были практически все запчасти. По данным статистического управления БССР, на 1 января 1958 г. из-за отсутствия запчастей не могло функционировать около 15 % всего автопарка республики²⁷. Например, был большой дефицит шин, которые автовладелец мог покупать раз в три года с соответствующей записью в техпаспорте²⁸. Несмотря на то, что большая часть машин находилась в Минске, в городе действовали всего три заправки и одна мойка. Гараж был несбыточной мечтой большинства белорусских автомобилистов²⁹.

Еще одной мечтой, объединявшей тысячи белорусских семей, был домашний телефон, который до недавнего времени считался признаком принадлежности к партийной или советской номенклатуре. Ежегодное увеличение мощности городских телефонных станций не успевало за растущими потребностями населения. Несмотря на то, что с 1955 по 1964 г. телефонная сеть Минска увеличилась в 4 раза, дефицит телефонной связи не уменьшился³⁰. Например, количество неудовлетворенных заявок на домашний телефон в 1961 г. достигло 6 тыс. В том же году Минск занимал 13-е место среди столиц союзных республик по количеству установленных телефонов (включая параллельные и спаренные) на 100 человек. Это отставание имело тенденцию к увеличению³¹.

Общее отставание советской бытовой техники от мировых образцов не сказывалось на периодически возникающем на нее ажиотажном спросе. Объяснялось это просто: первые советские электрические стиральные машины и холодильники, телевизоры и радиоприемники выпускались в недостаточном количестве. Свои неудачные попытки стать телезрителем житель Могилева В. Полозов так описал в своем письме в газету «Звезда»: «Давно хотел купить телевизор. Решил однажды: буду занимать каждый день очередь в магазине. Как раз тогда более-менее свободное время выдалось. Ходил две недели, но так и не купил телевизор. Их много раз привозили, только они пропадали из магазина – продавцы продавали телевизоры своим знакомым»³².

Такой же всплеск спроса наблюдался на грампластинки с песнями популярных эстрадных артистов. Главным дефицитом в столичном магазине «Грампластинки» были

²⁵ Советская Белоруссия. 1961. 6 апр.

²⁶ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 641. Л. 46

²⁷ Там же. Д. 490. Л. 96.

²⁸ Там же. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 461. Л. 300.

²⁹ Советская Белоруссия. 1964. 16 янв.

³⁰ Там же. 1965. 13 июня.

³¹ Там же. 1961. 30 марта.

³² Звезда. 1965. 16 лют.

записи в первую очередь зарубежных исполнителей. «Нас часто спрашивают о вещах, которые мы не в состоянии предложить», – дипломатично охарактеризовала отсутствие подобной музыкальной продукции продавщица А. Навроцкая³³.

Дефицит в потребительской сфере привел к увеличению разрыва между денежной массой и ее товарным обеспечением. Золото было более надежным средством вложения бумажных денег, чем сберегательная касса. Это сказалось на спросе на ювелирные изделия, который увеличивался с каждым годом. Об этом явлении журналисту рассказала продавщица магазина «Ювелирторг» в Витебске Н. Рогаженская: «Очень большой спрос на обручальные кольца, которых полгода нет в продаже. Все серьги с бриллиантами давно распроданы. Столовых серебряных наборов и белорусского хрусталя нет. Мало поступает изделий с чернью и эмалью»³⁴.

Одним из признаков дефицитной экономики было доминирование на рынке интересов производителя, когда покупатель был вынужден брать любой товар вне зависимости от его качества. Например, работница завода «Гомсельмаш» Н. Петряева в 1965 г. купила обувь Барановичской обувной фабрики за 24 рубля. Но после одной-двух прогулок по городу «шпильки» согнулись в «бараний рог». Надежда отправила туфли на фабрику с просьбой прислать новые или отремонтировать. Взамен она получила 5 рублей³⁵. В 1963 г. в редакцию «Советской Белоруссии» пришло письмо минского школьника Саши Кузьмина следующего содержания: «Дорогие дяди! Я учусь в первом классе 76-й школы г. Минска. По письму я получил “тройку” за то, что чернила на страницах моей тетради расплываются. Пожалуйста, поставьте “двойку” директору Добрушской фабрики за такие плохие тетради»³⁶.

Руководство БССР понимало проблему низкого качества продукции многих предприятий республики. Периодически предпринимались попытки преодоления негативных последствий «рынка производителей», в том числе за счет публичной критики. В прессе сообщалось о недостатках мотоцикла М1М и велосипеда Б-114 производства Минского мотоциклетно-велосипедного завода³⁷, радиоприемника «Минск-58» производства Минского радиозавода имени Молотова³⁸, наручных часов «Заря» производства Минского часового завода³⁹. Однако в конечном итоге выбор между количеством и качеством делался в пользу первого. Официальные сводки отражали в основном количественные показатели достижений белорусской промышленности, о чем свидетельствует выдержка из следующего документа ЦК КПСС: «В 1964 году промышленность Минска и Минской области дала сверхплановой продукции на сумму свыше 50 млн рублей, дополнительно изготовлено свыше 100 автомобилей, 1 000 мотоциклов, 10 000 велосипедов, 11 500 телевизоров, 270 тысяч пар обуви, 100 тысяч квадратных метров разных тканей и т.д.»⁴⁰.

После визита Хрущева в США в 1959 г. началась «кукурузная эпопея» – административное внедрение кукурузы без учета климатических условий и сельскохозяйственных традиций. Вместе с сокращением подсобных хозяйств, решением о выкупе скота у колхозников, а также административно-управленческим хаосом это поставило сельское хозяйство страны на грань кризиса. Спад сельскохозяйственного производства в начале 1960-х гг. ухудшил продовольственное обеспечение населения. На некоторые продукты, такие как мясо и масло, розничные цены значительно выросли. Начались перебои с поставкой в торговую сеть даже хлеба и хлебобулочных изделий.

Это вызвало волну жалоб летом и осенью 1962 г. Жители БССР писали партийному руководству, в правительство и центральные газеты: «Уже больше месяца стоят очереди за хлебом, и чтобы купить одну буханку, нужно потратить 7–8 часов. Население возмущено»;

³³ Советская Белоруссия. 1959. 12 сент.

³⁴ Там же. 1960. 31 марта.

³⁵ Чырвоная змена. 1965. 16 кастр.

³⁶ Советская Белоруссия. 1963. 6 апр.

³⁷ Там же. 1957. 22 нояб.

³⁸ Там же. 1958. 7 авг.

³⁹ Там же. 21 сент.

⁴⁰ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 47. Д. 526. Л. 391.

«Свободной продажи хлеба в Мстиславском районе нет. Продается только по списку. Подобным образом стали продавать крупы, макароны, лапшу. Списки составляют работники торговли. Своих они включают дважды под разными фамилиями. Честные работники с трудом получают один килограмм черного хлеба»; «Я учитель. У меня большая семья. В последнее время все чаще мы садимся за стол без хлеба. Вот уже два месяца жители всех окрестных городов и деревень едут в Быхов за хлебом. Но и в этот райцентр хлеб поступает с перебоями. Мука вообще исчезла из продажи. Возле хлебных магазинов большие очереди»⁴¹.

Духовная пища была востребована не меньше, чем физиологическая. Объем реализуемой книжной продукции с каждым годом увеличивался. В 1958 г. в БССР было открыто 7 книжных магазинов, 80 киосков, 120 книготорговых столов, привлечено дополнительное количество книготорговцев. В Минске и областных центрах проводились книжные ярмарки. Чтобы удовлетворить повышенный спрос, Центральный книжный магазин столицы перешел на удлинённый график работы – он работал с 10 до 22 часов⁴². И все же неудовлетворенный спрос, особенно на иностранную классику, породил не только очереди, подписки, но и феномен воровства книг.

Важное место в формировании коммунистического образа жизни отводилось службе быта, на которую возлагались задачи общественного обслуживания материальных потребностей населения и, соответственно, сокращения труда в домашнем хозяйстве. Служба быта должна была освободить работников от малоэффективного домашнего труда и таким образом увеличить время отдыха, преодолеть противоречия между умственным и физическим трудом, уравнивать жизненный уровень городского и сельского населения.

12 марта 1959 г. белорусское партийное и советское руководство продублировали принятое неделей ранее постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению бытового обслуживания». Постановление предусматривало расширение сети мастерских по ремонту одежды, обуви, предметов культурно-бытового назначения, мебели, квартир, химчисток, парикмахерских, приемных пунктов. Особое внимание авторы постановления уделили селу. В 1959 г. в БССР планировалось открыть в системе производственной и потребительской кооперации, а также местной промышленности 785 мастерских по бытовому обслуживанию населения, в том числе 612 в сельской местности. На 1 июля 1959 г. была открыта 471 мастерская, в том числе 349 в сельской местности. Хуже дела обстояли в колхозах, где из запланированных на 1959 г. 650 мастерских было открыто только 26⁴³.

С 1960 г. в народно-хозяйственных планах республики начал фигурировать объем реализации бытовых услуг. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10 августа 1962 г. «О дальнейшем совершенствовании бытового обслуживания» предусматривались государственные капитальные вложения в расширение и укрепление материально-технической базы службы быта. Вскоре предприятия бытового обслуживания, находившиеся в подчинении различных министерств и ведомств, были переданы в созданное Главное управление бытового обслуживания при Совете Министров БССР, преобразованное в 1966 г. в отдельное министерство.

Несмотря на усилия властей, служба быта не раз становилась объектом критики, фельетонов в газетах и даже громких судебных исков. Выступая 29 марта 1963 г. на первой сессии Верховного Совета БССР шестого созыва, председатель Совета Министров БССР Т.Я. Киселев укорял представителей отрасли: «План работ по бытовому обслуживанию населения выполнен на 94,1 % <...> на обувной фабрике, где директором тов. Касперович, в 1962 г. из-за некачественного исполнения 1 500 человек (или каждый 20-й) отказались от своих заказов <...>. В течение ряда лет поступали жалобы на плохую работу Витебской фабрики химчистки и окрашивания одежды. В мебельное ателье Минской фабрики им. Димитрова (директор т. Петрашевский) поступило за год около 100 жалоб на низкое качество, 145 человек вообще отказались от своих заказов»⁴⁴.

⁴¹ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 608. Л. 40–41.

⁴² Советская Белоруссия. 1958. 23 окт.

⁴³ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 503. Л. 281–282.

⁴⁴ Советская Белоруссия. 1963. 30 марта.

В минских ателье приходилось ждать исполнения заказа на пошив костюма или пальто до трех месяцев⁴⁵. Срок ремонта обуви в столичных мастерских составлял 10–15 дней, что также не удовлетворяло многих клиентов⁴⁶. Ремонт телевизоров в единственной в Минске мастерской был организован плохо⁴⁷.

Чтобы сделать прическу, брестчанкам приходилось стоять в очереди в будние дни около трех часов, а в выходные и праздники и того больше⁴⁸. В единственной мастерской по ремонту обуви в Мозыре регулярно собиралась очередь на 7–8 часов⁴⁹. Сотрудники единственного в Горках фотоателье выполняли заказы торопливо, неаккуратно, покупатели часто не узнавали себя на фотографиях⁵⁰.

Развитие туризма, в том числе международного, требовало модернизации гостиничного хозяйства БССР. В 1956 г. было построено 19 новых гостиниц, в том числе в Бресте, Витебске, Гомеле, Орше, Бобруйске и других городах. Сдали в эксплуатацию Вторую советскую гостиницу в Минске на 220 мест. Было начато проектирование гостиницы «Минск» на 400 мест⁵¹. В то же время сложились основные правила и принципы советского сервиса, получившего ироничное определение «ненавязчивый». Получить место в большинстве гостиниц для человека «с улицы» было нереально, а немногие получившие его счастливицы чувствовали пренебрежительное, в лучшем случае – равнодушное отношение к себе персонала.

Корреспондент газеты «Звезда» писал в 1956 г.: «Посетите гостиницы райцентров Толочин, Хойники, Сенно, Зельва или какие-нибудь другие. Неприятно переступать порог их помещений. Грязно, неуютно, зимой холодно. В Хойниках, например, считается допустимым не менять постельное белье после каждого клиента. Во многих гостиницах нет помещений для стирки, нет горячей воды. Интересно, посещают ли гостиницы хотя бы изредка председатели исполкомов райсоветов, знают ли они о безобразиях в подведомственных им учреждениях?»⁵².

В письме Н.С. Хрущеву сотрудник московского Гипроавтопрома А.К. Крючков так описывал свои гостиничные приключения во время командировки в Советскую Белоруссию: «Свободных мест в гостинице “Беларусь” и других гостиницах Минска не было. Поэтому 12–15 путешественников ожидали наступления утра, сидя на стульях, а 5–6 человек легли спать на грязном полу в холле гостиницы. На наших глазах администрация гостиницы разместила в номерах народных депутатов, а нам отказали в койках, хотя бы до утра»⁵³.

Как следует из приведенных выше многочисленных примеров, экономика БССР даже в самый успешный период своего развития при отсутствии рыночного ценообразования оставалась, по меткому выражению Я. Корнаи, «экономикой дефицита»⁵⁴.

Стихийной реакцией населения на разбалансированность народного хозяйства была советская теневая экономика в виде приписок, разворовывания государственного имущества и спекуляции. Неудовлетворенный спрос при одновременном росте заработной платы был главным стимулом развития черных рынков товаров и услуг. Именно на них население БССР могло покупать необходимые товары и услуги, но по более высоким ценам. Таким образом, теневая экономика как бы сглаживала недостатки легальной советской экономики. Те, кто имел доступ к потребительским товарам, таким как продукты питания, одежда, запчасти и т.д., пользовались своим служебным положением и заполняли черные рынки.

⁴⁵ Советская Белоруссия. 1963. 17 мая.

⁴⁶ Чырвоная змена. 1967. 19 лют.

⁴⁷ Советская Белоруссия. 1963. 6 янв.

⁴⁸ Там же. 1965. 5 авг.

⁴⁹ Чырвоная змена. 1965. 3 лют.

⁵⁰ Советская Белоруссия. 1956. 19 авг.

⁵¹ Звезда. 1956. 4 вер.

⁵² Там же. 12 мая.

⁵³ НАРБ. Ф. 7. Оп. 4. Д. 52240. Л. 106.

⁵⁴ Корнаи Я. Дефицит. М., 1990. С. 28.

Белорусская ССР стала одной из последних советских республик, установивших наказание за мелкую спекуляцию. 25 апреля 1957 г. Мингорисполком принял решение о наложении штрафа в размере 100 рублей за продажу товаров и продуктов в неположенных местах. Это касалось только минчан, что вызвало наплыв спекулянтов в Минск не только из белорусской глубинки, но и из прибалтийских республик, а также Украинской ССР. Ситуация изменилась после вступления в силу Уголовного кодекса БССР в 1961 г., статья 51 которого предусматривала за мелкую спекуляцию наложение штрафа в размере от 300 рублей до двух лет лишения свободы с конфискацией имущества⁵⁵.

Некоторые черные рынки образовывались стихийно на отдельных площадках, как, например, в районе Первого полиграфического переулка в Минске, где каждое воскресенье собиралось большое скопление людей. «Тут много постоянных продавцов, держащих в руках старые поношенные вещи, а под полкой прячущих красивые шерстяные кофточки, модельные туфли, отрезки на платья, детали для велосипедов и радиоприемников»⁵⁶. Другие черные рынки действовали на официальных площадках параллельно с городскими рынками, например в Гомеле, где спекулянты торговали сельскохозяйственной продукцией, закупленной у колхозников. Кроме того, на гомельском городском рынке можно было купить широкий ассортимент запрещенных товаров – от крестиков до порнооткрыток, там активно действовали «шарманчики» (аналог «наперсточников» того времени)⁵⁷.

По данным милиции, спекуляцией занимались представители различных социальных слоев белорусского общества. В 1956 г. несколько жителей с. Ново-Хороброво Оршанского района были осуждены на два и три года лишения свободы за продажу товаров, купленных в Москве и Риге, по спекулятивным ценам на Оршанском городском рынке⁵⁸. В 1959 г. за спекуляцию была арестована безработная минчанка Т. Маринина, занимавшаяся перепродажей ковров, а также сотрудники отдела материально-технического обеспечения Минского тракторного завода М.А. Латоцкий и И.М. Щербач за перепродажу шифера. Примерно тогда же минские дружинники задержали школьника Захара Темкина за продажу редких марок⁵⁹. Авторы нового Уголовного кодекса БССР 1961 г., частично гуманизовавшего уголовный процесс, оставили неизменными суровые наказания за правонарушения в сфере экономики.

Советские торговые работники были активными участниками черного рынка, многие из которых утаивали от покупателей и спекулировали дефицитными товарами. О масштабах этого явления свидетельствует тот факт, что в начале 1960-х гг. это открыто и подробно обсуждалось в СМИ⁶⁰. К тому времени уже сложились неписанные законы и правила, по которым жили торговые работники, как, например, директор пинского горпродторга К.Н. Вячеславова, которая «брала без гроша, что душе угодно <...>, а продавцы смотрели на это словно загипнотизированные»⁶¹.

Помимо спекулянтов, к решению проблемы хронического товарного дефицита подключились подпольные производители, известные как «цеховики». Первым вынесенным на публичное обсуждение случаем разоблачения белорусскими правоохранительными органами цеховиков стал арест в декабре 1957 г. «группы вильнюсских специалистов Спектора, Фельдмана и Пиллера». Приглашенные в 1955 г. отделом местной промышленности Мингорисполкома для организации производства дефицитных пластинок, они организовали подпольный «цех», который за два года нанес государству ущерб в размере более полумиллиона рублей⁶².

В период «оттепели» многие жители БССР возобновили контакты с проживавшими за границей родственниками, а некоторым начали приходить посылки с Запада с одеждой,

⁵⁵ Крымінальны кодэкс Беларускай ССР. Минск, 1961. С. 55.

⁵⁶ Советская Белоруссия. 1961. 4 марта.

⁵⁷ Там же. 1957. 15 сент.

⁵⁸ Там же. 1956. 7 июля.

⁵⁹ Там же. 1959. 13 нояб.

⁶⁰ Там же. 1962. 29 сент.; Чырвоная змена. 1966. 16 кастр.; 1967. 9 ліп.

⁶¹ Чырвоная змена. 1966. 2 сак.

⁶² Звязда. 1958. 7 вер.

обувью, бытовыми товарами. Часть этих подарков также обогатила белорусский черный рынок. Например, С.Л. Добрина из Минска всего за пять месяцев 1963 г. сдала в комиссионные магазины товаров американского производства по 77 квитанциям на 1 637 рублей. Еще одна спекулянтка американскими посылочными товарами Р.А. Дударева из Минска имела от этой незаконной деятельности несколько сотен рублей в месяц. В Бресте «посылочным» бизнесом занимались супруги Панасюк и некий Г. Кулич⁶³.

Вторым по значимости источником западных товаров на черном рынке Беларуси была фарцовка. Скупкой у иностранцев одежды, косметики, грампластинок и перепродажей их своим соотечественникам занимались молодые люди, а также персонал, обслуживавший иностранных туристов – гиды-переводчики, таксисты, проститутки. В середине 1960-х гг. одной из наиболее влиятельных фигур этого теневого бизнеса в Минске был 28-летний студент Белорусского политехнического института И. Хромов, чей ежемесячный оборот составлял несколько тысяч рублей⁶⁴.

С особой изобретательностью действовал 17-летний Валерий Шнейдерман из Минска. Представившись гидом «Интуриста», он встречал иностранцев на вокзале, устраивал их в гостиницу, приглашал в кино и на обед, за что взимал плату валютой. У него также были «адреса легкомысленных женщин, ампулы с наркотиками и расписание западных радиостанций»⁶⁵.

Некоторые иностранцы, приехав и узнав о низком курсе, сами предлагали на черном рынке дефицитные в БССР товары. Часто это делалось вопреки постановлению Совета Министров СССР от 7 июня 1956 г., которое запрещало принимать в комиссионные магазины и пункты скупки товары у иностранцев. Например, проверка комиссионных магазинов Минска в начале 1965 г. показала, что там было продано товаров представителей социалистических стран на сумму 20 924 рубля⁶⁶.

Постановлением Совета Министров СССР от 20 ноября 1953 г. были отменены существовавшие нормы провоза вещей через советскую границу в расчете на одного человека. Право решать, сколько вещей можно перевезти, было предоставлено начальникам таможи, которые руководствовались в каждом случае «разумной нормой». Этим сразу же воспользовались граждане Польской Народной Республики, приезжавшие в БССР в основном по приглашению родственников. Например, при тотальной проверке въезжавших в БССР польских граждан, организованной брестскими таможенниками в первой декаде февраля 1956 г., было отобрано: 1 859 отрезков на пальто, 1 660 отрезков на костюмы, 2 663 отреза на платья, 1 238 вязаных жакетов, 4 488 отрезков на женские костюмы, 4 488 женских костюмов, 950 плюшевых покрывал⁶⁷. О масштабах польской контрабанды, главным образом в западной части республики, свидетельствуют также следующие цифры: за первые десять месяцев 1956 г. брестскими таможенниками было задержано товаров на 1 320 218 руб. и конфисковано 451 654 руб. в качестве контрабанды⁶⁸. Несмотря на все усилия таможенников, проверявших около 50 % путешественников, на белорусский черный рынок попадало большое количество польской одежды и товаров народного потребления. Их привозили более 1 300 гостей, ежедневно пересекавших советско-польскую границу в Бресте. Польские контрабандисты не смогли бы действовать без активной поддержки местного населения. В первой половине 1956 г. милиция Брестской области возбудила 48 уголовных дел в отношении 73 граждан, которые торговали польскими товарами на рынках, сдавали их в комиссионные магазины, помогали польским гостям покупать дефицитные мотоциклы, радиоприемники, фотоаппараты и пр.⁶⁹

⁶³ Советская Белоруссия. 1965. 11 февр.

⁶⁴ Чырвоная змена. 1966. 19 ліп.

⁶⁵ Знамя юности. 1963. 4 дек.

⁶⁶ НАРБ. Ф. 4п. Оп. 62. Д. 684. Л. 20.

⁶⁷ Там же. Д. 450. Л. 538.

⁶⁸ Там же. Д. 467. Л. 423–425.

⁶⁹ НАРБ. Ф. П-4. Оп. 62. Д. 450. Л. 543.

Во второй половине 1950-х гг. в условиях интенсификации международных обменов в БССР возник черный валютный рынок. Это явление, с одной стороны, было вызвано низким курсом, по которому Государственный банк покупал иностранную валюту у иностранцев (по курсу 65 копеек за доллар США при его рыночной стоимости 8–10 рублей). С другой стороны, все большее число советских туристов и граждан, выезжающих за границу, было недовольно суммой (30 долларов), которую им разрешалось купить перед отъездом в Госбанке.

Дисбаланс спроса и предложения иностранной валюты породил новый вид преступной деятельности, которая вскоре приобрела организованный характер. Серьезная борьба с «валютными дельцами» началась в июле 1961 г. после выхода указа «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил валютных операций» и расстрела крупнейшего в СССР валютного валютчика-фарцовщика, москвича Я.Т. Рокотова. Дело подпольной «фирмы Рокотова», оборот которой составлял 20 миллионов новых рублей, получило свое продолжение в ряде союзных республик, в том числе в БССР.

В июне 1962 г. Верховный суд БССР рассмотрел дело о «банде валютных дельцов», возглавляемой М.Я. Бурсаком, немолодым человеком, уже судимым за экономические преступления. Кроме него, на скамье подсудимых оказались 19 человек: заготовитель П. Палей, кочегар И. Мельничук, пенсионер Н. Фридман, инженер Х. Хигер, багажный раздатчик А. Рудич, сапожник М. Виленский, слесарь З. Мурох и др. КГБ БССР выяснил, что они создали широкую спекулятивную сеть, в которую входили партнеры из Риги, Каунаса, Кишинева, Вильнюса, Кутаиси, Львова, Ленинграда, Тбилиси, Бреста. Работа сети давала хорошую прибыль. На 42 сберкнижках М. Бурсака хранилось полмиллиона рублей. При задержании И. Мельничука у него были обнаружены валюта и золотые монеты на сумму более миллиона рублей⁷⁰. У Н. Фридмана изъяли золотых вещей, которые он хранил в одной из клумб Минского железнодорожного вокзала, на сумму полмиллиона рублей. М. Бурсак, И. Мельничук, Г. Хигер и М. Виленский были приговорены судом к смертной казни, остальные – к различным срокам заключения⁷¹.

После ликвидации подпольной группы М.Я. Бурсака в Минске основным местом незаконных валютных операций стал пограничный город Брест. В ноябре 1963 г. коллегия Брестского областного суда рассмотрела еще одно крупное дело о разоблаченных органами госбезопасности валютных дельцах. На скамье подсудимых оказались П.П. Мось, А.Р. Рахлей, В.Г. Кривченя, А.С. Борисовец, М.Ф. Власюк и Н.А. Амершин⁷².

Во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. наряду с теневым рынком товаров в БССР возник черный рынок услуг. По масштабам теневой деятельности преобладали ремонтно-строительные услуги, ремонт и техническое обслуживание личного автотранспорта, рекреационные услуги, особенно аренда жилья в праздничные дни. Например, летом, в условиях нехватки мест в гостиницах и домах отдыха, жители Браслава, а также поселков Нарочь и Ждановичи предлагали «койки» по рыночным ценам⁷³. Кроме того, в БССР существовало предложение теневых медицинских, юридических, образовательных (репетиторских), а также транспортных услуг.

Дефицит продуктов, товаров и услуг был следствием существования в СССР плановой негибкой экономики, которая порождала дефицит и лишала население свободы выбора. Анализируя уроки советского опыта, Л. фон Мизес писал: «Когда не существует рыночных цен на факторы производства, поскольку они не продаются и не покупаются, нельзя прибегнуть к калькуляциям для определения результатов прошлых действий или для планирования будущего. Управляющие социалистическим производством просто не в состоянии знать, в какой степени выбранные ими средства и методы соответствуют желаемым целям. Они будут править в темноте, как оно и происходит. Неизбежна расточительность в обращении с редкими ресурсами производства, как материальными, так и людскими. Хаос и всеобщая нищета являются неизбежным результатом»⁷⁴.

⁷⁰ Советская Белоруссия. 1962. 15 июня.

⁷¹ Звезда. 1962. 20 чэрв.

⁷² Советская Белоруссия. 1963. 29 нояб.

⁷³ Там же. 1961. 20 мая.

⁷⁴ Мизес Л. Социализм: экономический и социологический анализ. М., 2016. С. 371.

Парадоксальным образом дефицит в советском обществе в хрущевскую эпоху «оттепели» также был следствием роста потребностей населения, возникновения феномена советского потребительства. При относительно низких государственных ценах и быстро растущей заработной плате люди тратили свободное время на обеспечение семьи товарами и услугами первой необходимости, часто низкого качества. Различные социальные и профессиональные группы имели различный доступ к продуктам, товарам и услугам. В условиях дефицита к ним имели больший доступ работники торговли, легкой и пищевой промышленности, а также представители партийной и советской номенклатуры. В этих условиях активизировалась теневая экономика.

Литература

Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990. 607 с.

Мизес Л. Социализм: экономический и социологический анализ. М.: Социум, 2016. 584 с.

Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М.: Олма-пресс, 2002. 509 с.

References

Kornai, Ya. (1990). *Defitsit* [Deficit]. Moscow, Nauka. 607 p.

Mises, L. (2016). *Sotsializm: ekonomicheskii i sotsiologicheskii analiz* [Socialism: Economic and Sociological Analysis]. Moscow, Sotsium. 584 p.

Pyzhikov, A.V. (2002). *Hrushchevskaya "ottepel'"* [Khrushchev's "Thaw"]. Moscow, Olma-press. 509 p.